

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по научной и инновационной деятельности
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет»

кандидат филологических наук, доцент
М.Б. Ворошилова

«17» марта 2017 года

ОТЗЫВ
ведущей организации
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
о диссертации Шестаковой Маргариты Александровны
«СТАНОВЛЕНИЕ ПОЭТИКИ РУССКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА
В ЛИТЕРАТУРЕ 1900 – 1920-х ГОДОВ»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

Актуальность темы диссертации М.А. Шестаковой обусловлена неослабевающим интересом отечественных и зарубежных исследователей к экспрессионизму как феномену культуры начала XX в. Далеко не все проблемы, связанные с историей экспрессионизма, получили свое решение. Дискуссионными в науке остаются вопросы о соотношении русского и немецкого экспрессионизма, о статусе русского экспрессионизма (течение ли это? стилевой импульс?), хронологических границах явления, индивидуально-творческих вариантах экспрессионистской поэтики. Диссертация М.А. Шестаковой нацелена на рассмотрение этих вопросов.

М.А. Шестакова скрупулезно исследовала научную литературу по русскому экспрессионизму, начиная с критики 1920-х гг. и до современных исследований И.В. Васильева, Ю.Н. Гирина, И.В. Корецкой, В.С. Наумовой, А.А. Нененко, Н.В. Пестовой, Е.В. Пономарёвой, Т.В. Семеновой, В.Н. Терехиной, Т.А. Терновой и др. Новым представляется избранный в диссертации аспект рассмотрения темы:

соотношение «центра» (представленного в творчестве Л. Н. Андреева) и «периферии», складывающейся из обширного круга авторов, чья поэтика в той или иной степени родственна экспрессионизму.

Объединить обширный и разнообразный материал, представленный в диссертации, помогла исходная теоретическая посылка, на которой строится исследование. Справедливо полагая, что русский экспрессионизм с трудом поддается описанию в понятиях направления, течения, стилевого потока (уместно приводится мнение В.Ф. Маркова о неопределенности термина «экспрессионизм» в его отношении к другим течениям в русском авангардизме), автор диссертации рассматривает экспрессионизм как особый тип творческого сознания, реализующийся в специфическом художественном высказывании (термин И.В. Саморуковой).

Новизна представленного исследования видится, прежде всего, в обосновании и демонстрации понятия «экспрессионистическое художественное высказывание», трактуемого как воплощение экзистенциального типа сознания в соответствующей системе приемов повышенной выразительности. Историко-литературной новизной обладают также конкретные примеры рассмотрения экспрессионистического высказывания в творчестве русских экспрессионистов и в произведениях художников других направлений, как, например, Н.С. Гумилев или О.Э. Мандельштам. Кроме того, введены в научный оборот авторы и произведения, не бывшие ранее предметом специального рассмотрения (в частности, сборник В.П. Яблонского «В сумерках»).

Главным результатом диссертации М.А. Шестаковой стало последовательное описание истории зарождения и развития экспрессионизма в русской литературе, анализ разных форм проявления экспрессионистического высказывания в манифестах, художественной практике, критической и научной рецепции. Данный результат обладает

несомненной практической значимостью и как основа специального курса, и как база для дальнейших научных изысканий в данной области.

Методологическая база диссертации сочетает историко-сравнительный и историко-типологический принципы подхода к литературному процессу, приемы исторической поэтики; диссертант использует репрезентативные критические работы, манифесты и декларации, а также широкий круг современных трудов, посвященных истории и теории экспрессионизма. Достоверность результатов исследования подтверждается привлечением многочисленных художественных произведений (Л. Андреева, Б. Пастернака, О. Мандельштама, Н. Гумилева, М. Кузмина, И. Соколова, Р. Ивнева, А. Радловой, Е. Габриловича, Б. Земенкова, Г. Сидорова, В. Яблонского и др.), а также соотношением собственных выводов с результатами, полученными в работах предшественников.

Цель, задачи и положения, выносимые на защиту, сформулированы достаточно ясно и четко, с акцентом на поэтике, системе мотивов и образов, на способах выражения субъективного мировосприятия художников-экспрессионистов и авторов, «соприкасающихся» с ними в приемах выразительности. **Теоретической значимостью** обладают вывод о спорадическом характере развития экспрессионизма в России, тезис о двух основных этапах в его развитии (1900 и 1920–1930-е гг.), идея проявления экспрессионистской поэтики в творчестве поэтов, принадлежащих к другим течениям. **Структура диссертации** отвечает цели и задачам: после обстоятельного обзора истории вопроса в 1 главе, глава 2-я посвящена рассмотрению произведений Л. Андреева как центральной фигуры в русском экспрессионизме, затем вычленяются черты экспрессионистской поэтики в произведениях поэтов других течений (акмеизм, имажинизм), последняя глава полностью посвящена декларациям и деятельности экспрессионистов и «эмоционалистов» 1919–1925 гг. Исторический принцип в рассмотрении строго выдержан.

Глава 1 подробно освещает результаты научной рецепции русского экспрессионизма, как в соотнесении его с европейским контекстом, так и в собственно русском варианте. Достаточно отчетливо выявлен на материале реферируемых источников неоднозначный характер взаимодействия немецкого и русского экспрессионизма: Л. Андреев написал рассказы «Стена», «Бездна», «Красный смех» до возникновения соответствующего течения в западном искусстве, затем в начале 1920-х гг. заметен острый интерес русских авторов к немецкому экспрессионизму (переводятся пьесы, издаются поэтические антологии, пишут статьи Ю. Тынянов, Б. Арватов, А. Гвоздев, А. Луначарский), тогда как сами поэты Германии и Австрии говорят о влиянии на них Л. Толстого и Ф. Достоевского. Констатируя движение отечественной науки в изучении творчества Л. Андреева (от статей И. Иоффе и К. Дрягина 1920-х гг. до настоящего времени), автор диссертации не затрагивает вопрос о причинах отрицательного отношения к писателю в советском литературоведении (еще в 1908 г. Андреев был заклеймен В. Воровским в статье «В ночь после битвы»), так же, как не оговариваются причины «конца» экспрессионизма в 1925 г. Думается, что принимая во внимание смену политико-идеологической обстановки в стране, можно точнее охарактеризовать тот парадокс, который присутствует уже в 1 главе, но наиболее полно выявится в 4 главе: именно «левые» художники и публицисты живо интересовались экспрессионизмом, однако пафоса строительства нового, светлого и счастливого общества нет в большинстве произведений группы «Московский Парнас». Согласно Б. Лапину, новый мир – «мир дикого рефлекса и релятивизма» (с. 164).

Посвященная Л. Андрееву **2 глава** характеризует экспрессионизм писателя как «искусство отчаяния и боли». Выявлен целый комплекс мотивов: отчуждение, скука и тошнота, смерть, молчание, сумасшествие, бездна, крик, что позволяет говорить об экзистенциальной направленности мироощущения писателя. Показано, Л. Андреев передает эмоциональный

взлет или падение человека через детали физиологического характера. Удачен выбор рассказа «Он» в качестве материала для анализа, с заглавным образом которого перекликается затем и образ черного человека в повести «Мои записки». Убедительно продемонстрирована проницаемость мира живых и мертвых в повести «Губернатор». Некоторые новые нюансы обнаружены и при обращении к рассказам «Бездна», «Красный смех». Так, например, в диссертации указывается на перекличку образности в рассказе «Красный смех» с серией картин Э. Мунка «Крик», тогда как обычно отмечают офорты Ф. Гойи «Ужасы войны». Очень удачен анализ портретов героев в «Бездне» и «Жизни Василия Фивейского». Выявленные в рассказах и повестях мотивы характерны и для романов Андреева, что показано в разделе 2.3. При характеристике библейских мотивов в произведениях писателя подчеркнута их нетривиальная трактовка: важна не только внутренняя раздвоенность героя, но и ситуация богооставленности, роковая предопределенность, нежелание высшего начала вступить в какой-либо диалог с человеком.

Глава 3 рассматривает экспрессионистское начало в лирике поэтов, чье творчество связано с другими модернистскими течениями: акмеизм (О. Мандельштам, Н. Гумилев), имажинизм (Р. Ивнев, В. Яблонский), экспрессионистские приемы в творчестве Б. Пастернака 1910-х гг. В диссертации показано, что переклички с экспрессионизмом обнаруживаются в лирике самых разных поэтов. Вместе с тем, материал убеждает, что функции экспрессионистической образности могут быть различными: выражать чувство поэта, столкнувшегося с катастрофизмом внешней действительности (Мандельштам), способствовать стилизации нецивилизованного, экзотического мира (Гумилев), служить средством эпатажа и привлечения читателей (Ивнев), играть роль выразительного средства (Пастернак). Интересно анализируется книга В.П. Яблонского «В сумерках» (1922), оформленная художником С. Поляковым – «стихи с

переложением на графику». Этот пример «интермедиальности» впервые вводится в поле рассмотрения (вероятно, на Яблонского влиял не только экспрессионизм: образ вальса, который «экстазно томит», напоминает об Игоре Северяnine). Продуктивным оказалось сопоставление ранних и окончательных редакций стихотворений Б. Пастернака. Вместе с тем, с некоторыми тезисами диссертанта можно поспорить, в частности, с утверждением, что к 1920-м гг. экспрессионистские тенденции в творчестве Гумилева иссякают (с. 103-104): если учесть гибель поэта летом 1921 г., то «Заблудившийся трамвай», «Звездный ужас» можно считать одними из последних крупных произведений, а в них экспрессионистская образность присутствует.

Глава 4 посвящена организационно оформленному русскому экспрессионизму 1919–1925 гг. Анализируются манифесты «Хартия экспрессионистов», «Бедкер по экспрессионизму»: комментируется семантика названий, иронический квазинаучный стиль, отмечается провозглашаемая И. Соколовым тенденция к синтезу поэзии, живописи, музыки, театра в экспрессионизме этих лет. Затем приводится материал из произведений Ип. Соколова, Б. Лапина, Г. Сидорова, С. Спасского, Б. Земенкова, Е. Габриловича (группа «Московский Парнас»), а также авторов группы «эмоционалистов» (М. Кузмин, А. Радлова, К. Вагинов). Справедливо отмечается непостоянный состав объединений, невозможность строгого отграничения экспрессионизма от футуризма или имажинизма.

Заключение подводит итоги проделанной работе, намечает перспективы исследования.

Столь масштабная работа не может не вызвать некоторых **замечаний и пожеланий**. 1. Обилие подключаемых к рассмотрению самых разных произведений вынуждает автора диссертации воздерживаться от углубления в анализ отдельных текстов. Материал в разделах 3.3, 4.2., 4.3 оставляет впечатление перечисления образов с

повышенной экспрессией. Полагаем, убедительнее было бы вместо набора коротких цитат сосредоточиться на интерпретации нескольких целостных текстов. 2. Проблема жанра не входила в задачи исследования, поскольку привлекались произведения и прозы, и поэзии, тем не менее, анализ баллад Б. Лапина (раздел 4.2) мог быть более системным. 3. Новаторская проза Е. Габриловича заслуживала более внимательного разбора.

В плане **полемики** отметим, что положение 5, выносимое на защиту (с. 17), следовало сформулировать более корректно: точнее говорить не о *влиянии* экспрессионистского начала на творчество Гумилева, Мандельштама, Пастернака, а о *типологическом сходстве* используемых разными авторами средств максимальной выразительности. Вероятно, тип экспрессионистического высказывания является достаточно общей *«формой времени»*, не закрепленной жестко за поэзией или прозой, за тем или иным течением в искусстве. Полагаем также, что творчество Л. Андреева и экспрессионистов 1920-х гг. принципиально отличаются по пафосу и функциям экспрессионистического высказывания, поэтому целесообразнее рассматривать их соотношение не как «ядро» и «периферию», а как два этапа в развитии русского экспрессионизма.

Подводя итог, констатируем: диссертация М.А. Шестаковой «Становление поэтики русского экспрессионизма в литературе 1900 – 1920-х годов» является самостоятельной и законченной научно-квалификационной работой, посвященной актуальной проблеме истории русской литературы. По своей научной новизне, объему выполненных исследований (проанализированных научных и художественных текстов) и практической значимости полученных результатов работа соответствует требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении научных степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а ее автор

достоин присуждения искомой степени по специальности 10.01.01 –
Русская литература.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором,
профессором кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ
ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Барковской Ниной Владимировной, шифр научной специальности
10.01.01 – Русская литература.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры литературы и
методики ее преподавания ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет», протокол заседания № 8 от 02.03.2017 г.

Заведующий кафедрой литературы
и методики ее преподавания
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет»
кандидат филологических наук
(шифр специальности
10.01.01 – русская литература)
доцент

Тагильцев Александр Васильевич

ФГБОУ ВО «Уральский
государственный педагогический университет»
620017 г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Телефон (343) 235-76-14
E-mail: rector@uspu.me
Адрес официального сайта: <http://www.uspu.ru>

Подпись: *А. В. Тагильцев*
Заверено явсн. ОК УрГПУ

